

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

С. И. КОТКОВ

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОГРАФИЯ

Обследование говоров русского языка, особенно в плане лингвистической географии, в течение последних трех десятилетий получило широкое развитие. Собраны обширные материалы для «Атласа русских народных говоров», составлены серии диалектологических карт. Однако этот огромный труд научной общественности России еще далеко не завершен: издан всего один том «Атласа», материалы многих карт пуждаются в обобщении и интерпретации, а некоторые итоги картографирования, например средневеликорусских говоров, представляются небесспорными. Необходимость проверки показаний современных говоров как вполне действительных для определенных исторических периодов настоятельно побуждает к интенсивной разработке исторической диалектологии на материале памятников письменности. Изучение рукописного наследия, в особенности из южновеликорусской области, историко-лингвистическое исследование которой только началось, убедительно показывает, насколько рискованно судить о былом лингвистическом состоянии по современным данным.

Отметим несколько таких суждений, оказавшихся в свете новых данных старой русской письменности либо спорными, либо несостоятельными.

Обыкновенно полагали: отличная от *е* фонема *ѣ* в пределах южновеликорусской области исконно совпадала с *е*. Факты южновеликорусской письменности XVII в. свидетельствуют об ином: и Югу в то время было свойственно отличное от *е* произношение *ѣ*¹.

Вследствие некритического распространения на московский говор такой особенности средневеликорусского вокализма, как еканье, появление иканья в Москве считали довольно поздним, относили к XVIII и началу XIX в. Между тем его следы определенно документированы в московских текстах XVII и даже XVI в.²

Знакомое южновеликорусской среде произношение сочетания *чи* как *ши* иногда объясняют сравнительно недавним влиянием московского говора. Однако в южновеликорусских памятниках XVII в. явление это представлено как свойственное и Югу³.

Произношение окончания род. ед. имен прилагательных и местоиме-

¹ См.: С. И. Котков, Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология), М., 1963, стр. 35—52; В. Н. Сидоров, Из русской исторической фонетики, М., 1969, стр. 24—26.

² См.: С. И. Котков, Московская речь в начальный период становления русского национального языка, М., 1974, стр. 92—97; Е. Ф. Васеко, Фонологическая система московского говора первой половины XVI в. по памятникам деловой письменности. АРД, М., 1973, стр. 19 (автор отмечает в исследованных памятниках «смещение» *ѣ* и *е*).

³ См.: С. И. Котков, Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 136—139.

ний с *в* (*светлово* и т. п.) исторически связывают только с Севером. Тексты XVII в., бесспорно локального происхождения, фиксируют подобное произношение и в южновеликорусской области ⁴.

Конструкцию типа *земля пахать*, известную ныне только Северу, и в историческом плане признают лишь северновеликорусской. По данным памятников XVII в. южновеликорусского происхождения она представляется органической в прошлом и для Юга ⁵.

Весьма существенны поправки, которые вносят показания памятников в историческую географию слов, намечаемую некоторыми исследователями по данным современных говоров. Например, слова *изба* — *хата*, *волк* — *бирюк*, *конь* — *лошадь*, *лонской* — *прошлогодний* и др. диалектологи рассматривают как северно- и южновеликорусские противопоставления, притом не только современные, но и исторические. Принимаемые в качестве исторических, в свете данных старой письменности они оказываются несостоятельными ⁶. Примеры подобных расхождений между состоянием в наше время и в более или менее отдаленном прошлом можно было бы умножить.

Особенно чувствительны различия между современными и историческими данными в южновеликорусской области, где изменения в составе и размещении населения и в строе народных говоров за последние три — четыре столетия происходили интенсивнее, чем в северновеликорусской.

Становится ясным, что на базе одних современных народных говоров создавать историческую диалектологию русского языка невозможно. Невозможно, следовательно, развивать и такую важную область последней, как историческая диалектография. Если в общем в диалектологии наблюдаются робкие попытки привлечения показаний памятников, то в русской диалектографии к историческим свидетельствам не прибегают. Можно назвать лишь единичные опыты составления лексических карт с учетом и современных данных и данных старой письменности. Это — карты по Архангельской области ⁷. Таких карт до двух десятков. В них обрисована география названий участков сенокоса и поля, названий огорода у дома, изгороди из жердей и некот. др. Выбор территории для картографирования оказался на редкость удачным: во-первых, архангельские говоры за последние три-четыре столетия эволюционировали гораздо медленнее, нежели многие другие; во-вторых, архангельская территория представлена значительным количеством текстов XVI—XVII вв., отразивших черты локальной речи. Естественно, эти обстоятельства благоприятствовали сопоставлению современных и исторических фактов. Было установлено, что определенные лексические элементы бытовали в названных пределах не менее трех-четырех столетий. Указанный результат, однако, не единственный: «...в ряде случаев, сопоставляя современные и исторические данные, мы обнаруживаем и движение лексических изоглосс» ⁸. В дру-

⁴ Там же, стр. 188—196.

⁵ См.: С. И. Котков, Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров, ИАН ОЛЯ, 1959, 1.

⁶ См.: С. И. Котков, Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников, «Вопросы образования восточнославянских национальных языков», М., 1962, стр. 41—46.

⁷ См.: В. Я. Дерягин, Из истории лексических изоглосс в говорах Архангельской области, «Этимология. 1966», М., 1968; В. Я. Дерягин, Л. П. Комягина, Из истории диалектных границ в северной России, ВЯ, 1968, 6; В. Я. Дерягин, Л. П. Комягина, Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах, «Вопросы изучения лексики русских народных говоров», Л., 1972.

⁸ В. Я. Дерягин, Изучение истории словарного состава языка по данным деловой письменности, «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 143.

гой работе встречаем опыт картографирования исключительно по материалам старой письменности — показано распространение в центральной России названий *плуг* и *соха*⁹.

Упомянутые опыты свидетельствуют о том, что создание русской диалектографии, основанной на показаниях памятников, — задача вполне реальная. Предмет ее можно определить как исследование былого состояния языка в лингвогеографическом аспекте, а метод — как извлечение из памятников и затем картографирование лингвистических данных, генетически связанных с речевой культурой, свойственной определенной местности, и относимых в общем к одному времени. Развитие исторической диалектографии может существенно продвинуть познание абсолютной хронологии некоторых явлений русского языка, а вместе с тем и их исторической географии.

Возможность диалектографического изучения русского языка в намеченном плане ограничена той эпохой его существования, которая оставила нам в наследство письменные материалы, отражающие в той или иной степени явления живой локальной речи. Рукописные материалы подобного рода в достаточном объеме сохранились с XVII в. и представляют национальный период развития русского языка. Материалы XV—XVI вв. не столь многочисленны и менее разнообразны, а нередко и не столь определены с точки зрения диалектной принадлежности. В принципе возможно картографирование данных, извлеченных из древних грамот и летописей, а также церковнославянских текстов, но оно связано с особыми трудностями, поскольку во многих случаях мы имеем дело со списками, в большинстве своем не датированными. Необходима разработка методов соотнесения данных этой письменности с определенными территориями.

Естественно, факты для картографирования могут заимствоваться лишь из текстов, которые вышли из-под пера носителей местных говоров или, в отдельных случаях, из-под пера носителей литературного языка, почему-либо воссоздававших диалектный колорит. О принадлежности писцов к локальной среде свидетельствуют и наименования их по происхождению из данной местности (*курченин*, *воронежец* и т. д.) и проявления в их письме примет локальной речи. Степень проявления этих примет, даже в однородных текстах в черте одного диалекта, в зависимости от выучки писцов может быть различной — от высокой до еле заметной. Поэтому при прочих равных условиях в поисках фактов для картографирования следует ориентироваться прежде всего на тексты менее грамотные.

Рассмотрим письменные источники, которые могут быть использованы в плане исторической диалектографии. Все они, за малыми исключениями, — из круга текстов делового содержания и представляют собой рукописные книги (иногда — тетради) либо столбцы. В значительной части это актовые материалы и, следовательно, датированные и локализованные, а в некоторых группах текстов указываются также их писцы. Наличие в том или ином источнике необходимых для картографирования фактов определяется в главном его содержанием и характером изложения последнего.

Обозрение интересующих нас источников начнем с оптимальных — таких, в которых точно указано, где и когда они написаны, а на местное происхождение писцов указывают следы их диалектной речи и их самоназвания: (писал) *курченин*, (писал) *воронежец* и т. п.

В данной группе источников особенно выделяются отказные книги, к сожалению, историками не изученные, а лингвистам и вовсе не извест-

⁹ См.: Н. С. Коткова, Историко-лингвистические свидетельства древней владельческой формулы, «Русский язык. Источники для его изучения», М., 1974 стр. 209.

ные. Кроме отмеченных выше признаков, оптимальность этих рукописей заключается и в том, что они представляют едва ли не все южновеликорусские и средневеликорусские территории, охватывая XVII столетие, и достаточно обширны — во многих книгах насчитывается по несколько сот листов, иногда до тысячи и более. Отказными книги именуются потому, что состоят из так называемых «отказов» — особого рода поземельных актов. Обычная схема их такова: в начальных строках сообщается, на основании каких распоряжений (по государевой грамоте и воеводскому наказу), иногда — и по чьему челобитью, должен быть произведен «отказ», или, иначе говоря, отвод, выделение поместных угодий в оклад военно-служилому человеку; затем называется лицо, посылаемое местными властями в уезд с поручением произвести выделение этих угодий; в уезде посланный проводит «обыск», т. е. обследование угодий, о которых идет речь, а потом их «отказывает» — отводит тому, кому они предназначены. Все это происходит при участии свидетелей, «тутошних и сторонних людей». Несмотря на более или менее однородный словарь отказных актов и наличие в них заметной доли оборотов приказного языка, в книгах встречаются лексические диалектизмы, а явления местной фонетики и морфологии проступают в этих источниках относительно свободно и широко¹⁰.

В подобных тематически однородных текстах выступают, к примеру, такие однозначные в смысловом отношении лексические варианты, как *сеножать* и *сенной покос*, *усад*, *усада* и *усадье*, *колодезь*, *речка* и др. Вероятно, в той или иной степени они территориально разграничены. По отказным текстам возможно установить и географию отдельных фонетических явлений, скажем, область распространения *е* билабиального и, напротив, его отсутствия; места неорганического смягчения *к* (*Ванька* и т. п.) и территорию, где оно не наблюдалось.

Как писанные местными писцами, датированные и локализованные, к оптимальным диалектографическим источникам относятся и сказки, которые дошли до наших дней, к сожалению, в ограниченном количестве фондов и отражают бывшее состояние языка не в пределах целостных территорий, а в отдельных разрозненных местах и пунктах. Поэтому материалы сказок, в отличие от материалов отказов, не образуют изоглосс и могут быть результативно картографированы лишь в ряду с однородными материалами, извлеченными из иных оптимальных источников. Сказки представляют собой «показания несудебного характера»¹¹. Одни из тех, что «сказывали», писали сказки сами, за других, людей неграмотных, писали их родственники и знакомые или грамотеи «со стороны», которые оказывались под рукой. Сказки обыкновенно невелики по объему, разнообразны по содержанию.

Отметим далее поручные записи, так же, как отказы и сказки, писанные местными людьми, датированные и локализованные. Они составлялись в тех случаях, когда определенная группа лиц за кого-либо в чем-либо поручалась. Достоинством их является повсеместность, а недостатком — значительная стандартизованность лексического наполнения. Поэтому названные источники, по всей вероятности, могут дать лишь ограниченные сведения по фонетике и незначительные по морфологии. В качестве датированных и писанных носителями местной речи оптимальны еще служилые кабалы и разного рода памяти, а также купчие, меновные и некоторые другие грамоты, например, так называемые порядные, принадлежащие северо-двинским местам. Заметим: указанные источники не образуют обширных серий и с точки зрения территориальной приурочен-

¹⁰ Подробнее об отказах см.: С. И. Котков. Отказные книги, ВЯ, 1969, 1.

¹¹ См.: «Источниковедение истории СССР», М., 1973, стр. 97.

ности, за исключением разве порядных, не представляют компактных зон.

Наиболее внушительную группу источников, которые могут быть пригодными для диалектографических исследований, составляют рукописные тексты, датированные и локализованные, но не включающие сведений о том, кем они написаны. Локальное происхождение этих текстов устанавливается прежде всего по отражению в них фактов и явлений, характерных для говоров данной местности. Принимается также во внимание и установленное в последнее время и нами и другими исследователями истории русского языка то существенное обстоятельство, что старое периферийное делопроизводство, за вычетом редких случаев, обслуживалось местными писцами¹². Однако это обстоятельство, при всей его значительности, при уяснении локальной принадлежности текста нельзя рассматривать как решающее, потому что опытные периферийные писцы, владея в общем нормами приказной московской письменности, могли и не дублировать в письме особенно яркие черты живой локальной речи. Необходимо помнить и следующее: не зная, кем именно написан текст, мы можем предполагать в писце носителя не только местного, но и иного говора (при изучении оптимальных источников это, в сущности говоря, настолько маловероятно, что практического значения не имеет). И тем не менее повторяем: показания «анонимных» текстов, в особенности многочисленных, для диалектографических исследований могут быть пригодными.

Среди источников этого рода первостепенными следует признать таможенные и другие приходные и расходные книги XVII в., а также книги XVIII в., упоминаемые в научной литературе как книги Камер-коллегии. Изучение рассматриваемых книг и сопоставление данных их языка и соответственных народных говоров убедительно показывают, что писцы их — носители местной речи¹³. В известной мере непрерывно на протяжении указанного времени эти источники представляют едва ли не всю территорию России. К тому же некоторые из них довольно большого объема: так, книги Камер-коллегии заключают по несколько сот листов, а отдельные — до тысячи. В таможенных книгах мы находим бесчисленные наименования товаров; в зависимости от характера последних и способов их подвоза, а также в связи с их взвешиванием взимались разнообразные пошлины: «с шерсти» (например, при торговле лошадьми), «полозовое», «причал» и «отчал», «весчее» и др. Вследствие этого в тематическом отношении книги неоднородны; кроме того, наряду с таможенными сборами местные власти записывали и винную прибыль и доходы с мельниц и торговых бань. Нередки в данных книгах и записи всевозможных расходов, производившихся местной администрацией на содержание местных учреждений, кабаков и т. п.

Общее содержание книг раскрывают их заглавия, например: «Книги города Ельца сбору таможенного и кабацкого головы ельчанина Зенона Перцова с товарищи кабацкому доходу, медвеной и винной прибыли и таможенных пошлин и от винных суд покотельщины и у торговой бани банного» — 1629 г. (ЦГАДА. Ф. 210, Разр. вязка 1, № 16); «Книги припойная, винная и явочная, таможенная и пятенная, пошлинная лошадиная в Курске» — 1623—1624 гг. (ЦГАДА. Ф. 210, Ден. стол, кн. 79).

¹² См.: С. И. Котков, Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 24—27.

¹³ Исследование материалов названных книг получило отражение в работах автора: «Южновеликорусское наречие в XVII столетии»; «Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков», М., 1970; «Таможенные книги Камер-коллегии — источники по истории русского языка», в кн.: «Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Авапесова», М., 1972. См. также: Н. С. Коткова, Книги Денежного стола, в кн.: «Источниковедение и история русского языка», М., 1964.

Источники этого круга характеризует обилие предметной лексики, причем значительную часть ее составляют названия материалов и припасов, предметов домашнего и хозяйственного обихода, лошадей и их разнообразных примет.

Для эпохи, отделенной от нас тремя-четырьмя столетиями, таможенные книги документируют бытование в русском языке значительного количества слов общенародного употребления. Отмечаются и некоторые слова, функционировавшие в то время как диалектизмы. Например, по данным таможенных книг возможно было бы картографирование локальных метрологических названий. Не исключается и картографирование явлений местной фонетики.

Необозримо количество челобитных, в огромном большинстве писанных носителями местных говоров — писцами-профессионалами и непрофессионалами, о чем говорят нередкие в этих рукописных текстах отражения локальной речи (прямых сведений о писавших в них мы не находим). Вступительные и заключительные части этих старинных текстов настолько приказно регламентированы, что в рассматриваемом аспекте интереса не представляют. Основное же содержание челобитных, обычно нерегламентированное, необыкновенно разнообразно. Разнообразие содержания определяет и их несомненные достоинства с точки зрения исторической диалектографии и их определенные недостатки с той же точки зрения. Поскольку с разнообразием содержания естественным образом связано разнообразие словарного состава челобитных и, в известной мере, грамматического состава, повторяемость в их основной части тех или иных слов значительно меньшая, нежели в таможенных книгах. Поэтому для лексического картографирования по сравнению с таможенными книгами они представляются менее перспективными. Зато лексико-грамматическое разнообразие благоприятствует более полному отражению фонетических явлений в разных позициях и, следовательно, оптимальному их картографированию.

Также датированными и локализованными и не вполне свободными от местной речи, хотя и неизвестно кем написанными, оказываются некоторые воеводские отписки, десяти¹⁴, ужинные, умолотные и иные сельскохозяйственные книги, а кроме того — грамотки, а порой и расписные речи.

Для исторической диалектографии в определенной мере можно использовать и тексты, писанные неместными писцами. Таковы прежде всего многочисленные писцовые книги, представляющие огромные территории России и немалый период ее истории — с конца XV в. до XVIII столетия. «Из писцовых книг XVII столетия самым значительным комплексом является комплекс книг, сохранившийся от писцового описания 1624—1628 гг. Писцовые книги этого периода охватывают большинство районов Русского государства и насчитывают сотни экземпляров»¹⁵. Составлялись они обыкновенно людьми, присланными из Москвы. Книги заключают ценные сведения о разного рода топонимических образованиях. Описывая селения и угодья, их положение и границы, московские писцы вносили в книги соответственные местные названия. Поэтому по данным писцовых книг, воспользовавшись и данными отказных, можно было бы, например, очертить распространение в XVII в. локальных названий *яруга*, *струга*, *болонье* и др.

¹⁴ См.: В. В. Юрасова. Фонетические свидетельства десятиц, «Вопросы грамматики и лексики русского языка», М., 1973 («Сб. трудов кафедры общего языкознания МГПИ им. В. И. Ленина»).

¹⁵ «Источниковедение истории СССР», стр. 137.

Мы не можем считать обоснованным мнение А. Н. Качалкина, согласно которому «среди деловых документов, составленных на периферии московскими людьми с участием местных жителей, лексически наиболее информативны писцовые книги»¹⁶. Во-первых, возможны и иные, не менее «информативные» источники, составленные в периферийных условиях также московскими писцами. Во-вторых, установление степени информативности реально только в тех случаях, если имеется в виду не общее лексическое наполнение источника, а определенные лексические группы. Те же самые писцовые книги могут быть достаточно информационными для познания топонимики и, напротив, бесперспективными для изучения других лексических групп. Представляется необоснованным и то решительное недоверие, которое проявляет А. Н. Качалкин по отношению к письменным памятникам локального происхождения. Противопоставляя им писцовые книги, он пишет следующее: «Что касается памятников собственно местного происхождения, то не приходится возлагать большие надежды на любой из них. Из-под пера местного писца появлялось немало документов чисто канцелярского свойства»¹⁷. Прежде всего напомним: документов, лишенных канцелярского свойства, вообще не существует, а если говорить о писцовых книгах, то именно им это свойство присуще в высшей степени. Сам А. Н. Качалкин наиболее разнообразный лексический материал приводит из приходо-расходных книг и иных источников местного происхождения.

Не касаясь иных источников, которые в той или иной степени могут также оказаться пригодными для исторического картографирования, заметим, что и упомянутых текстов в рукописных фондах нашей страны хранится великое множество.

Необходимость разработки теоретических основ русской исторической диалектографии определяется тем, что ее принципы отличаются от сложившихся в русской диалектологии на базе изучения современных говоров. Исходное различие между диалектографией современных говоров и говоров минувших веков состоит в том, что первая опирается на источники с заданными свойствами, а вторая — на источники объективно сложившиеся¹⁸. Формирующиеся по особой программе источники с заданными свойствами специально принорованы к картографированию, а объективно сложившиеся не принорованы. Если в первых лингвистические данные представлены в научной транскрипции и вследствие этого выступают в своих прямых проявлениях, то во вторых эти данные представлены через призму обычного письма, в значительной мере условного, и потому во многих случаях обнаруживают себя неполно и к тому же не всегда примым, а порою и косвенным образом (ср. так называемые перестраховочные написания). Поэтому, скажем, фонетические явления, которые согласуются с правописанием, картографированы быть не могут. Например, о наличии оканья в пределах той или иной территории можно заключать лишь по отсутствию в этих пределах аканья. Как видим, в исторической диалектографии возможность нанесения изоглосс определяется не только диалектным, но и орфографическим моментом.

Возможность нанесения изоглосс ограничивается и тем обстоятельством, что нормативность слога московских приказов, оказывая влияние

¹⁶ А. Н. Качалкин, Памятники деловой письменности XVII в. как источник исторической лексикологии, ВЯ, 1972, 1, стр. 111.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Об источниках с заданными свойствами и объективно сложившихся см.: С. И. Котков, О предмете лингвистического источниковедения, «Источниковедение и история русского языка», стр. 8.

на локальную письменность, порою мешала проявлению в ней следов живой локальной речи.

Источники с заданными свойствами в принципе могут представлять всю территорию русских говоров; источники объективно сложившиеся представляют ее лишь в той степени, в какой сохранились до нашего времени от былых исторических эпох соотносительные с определенными территориальными говорами памятники письменности.

Охарактеризованная специфика материалов, на которых может строиться историческая диалектография, в значительной мере осложняет выделение диалектных данных для картографирования. И выделение этих данных, и обоснование их картографирования в исторической диалектографии, в отличие от современной, должны быть несколько иными. Если в современной диалектографии нанесение тех или иных изоглосс основано на прямой, да еще транскрибированной, фиксации соответственных диалектных явлений, в исторической диалектографии, ввиду известной недостаточности и особого характера материалов, приходится, кроме того, учитывать и косвенные отражения диалектных явлений, а в отдельных случаях удовлетворяться наличием лишь косвенных. Так, устанавливая территорию аканья, едва ли возможно обойтись без привлечения его косвенных отражений в дополнение к прямым; знакомый многим русским говорам γ средствами обычного письма непосредственно не передавался, и область его распространения обрисовывают исключительно косвенные отражения¹⁹.

Типичными для современной диалектографии являются изоглоссы, знаменующие противопоставленность диалектных черт: оканье — аканье, z взрывное — z фрикативное и т. п.; картографирование непротивопоставленных черт также применяется, однако имеет меньшее значение. В исторической диалектографии установление географического распространения непротивопоставленных черт следует признать не менее важным, нежели противопоставленных. Объясняется это рядом причин, и прежде всего тем, что в обычном русском письме далеко не все диалектные противопоставления получают выражение. Например, различие между оканьем и аканьем в памятниках письменности выступает не как противопоставление одной диалектной черты другой, а как наличие одной и отсутствие другой. То же можно сказать, например, и в отношении известных форм им. мн. от имен существительных среднего рода: характерная для Юга флексия *-ы* (*селы, бревны* и т. д.), вопреки традиционной орфографии, проявляется в памятниках письменности, а свойственная многим русским говорам старая форма на *-а* (*села, бревна* и т. д.), совпадая с орфографической, себя не обнаруживает; и в этом случае позволительно говорить лишь о наличии форм на *-ы* в определенной диалектной области и об отсутствии форм подобного рода в прочих русских говорах.

Непротивопоставленными оказываются и лексические факты локального характера, значения которых недостаточно явственны. Примером может послужить название *оболонье* (знакомое «Слову о полку Игореве» образование *болонь* толкуется двояко: с одной стороны, как «низкий заливаемый водой берег реки», с другой — как «свободное пространство перед городскими стенами, оставляемое обычно без застройки, чтобы оно могло простреливаться с городских стен»²⁰). Четыре века назад *оболонье* бытова-

¹⁹ Но и они нуждаются в дополнительной интерпретации. Например, написания вроде *денех* в условиях средневеликорусских говоров указывают лишь на то, что подобный фрикативный звучал в конце слова, в то время как эти говоры вообще обладали взрывным z .

²⁰ «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», 1, сост. В. Л. Виноградова, стр. 59—60.

ло в пределах старой Новгород-Северской земли²¹. С точки зрения истории языка и изучения лексики «Слова» картографирование этого названия представляется оправданным, но вследствие двойственности его семантики наметить зону синонимичного образования, видимо, невозможно.

Внимание к непротивопоставленным фактам и явлениям не только оправданно, но и насущно необходимо. Они непротивопоставлены в плане территориального размещения в одно и то же время, но хронологически могут оказаться противопоставленными, что обнаруживается в результате сравнения соотносимых карт, составленных по данным современных говоров и соответствующих памятников. Возможность подобного сравнения повышает значение картографирования и современных непротивопоставленных фактов и явлений. Например, по современным данным в южновеликорусской области в широком употреблении слово *хата*, одновременно бытует и *изба*, но преимущественно в северных районах и в черте лесного запада. А материалы XVII в. той же территории, не давая сведений о *хате*, убедительно свидетельствуют о том, что в речевом обиходе южновеликорусов была только *изба*²². Картографирование этих фактов могло бы наглядно показать вытеснение в значительных пределах южновеликорусской области слова *изба* украинским *хата* за последние два с половиной века.

Картографирование непротивопоставленных фактов имеет особенно большое значение в тех нередких случаях, когда в результате поспешных заключений, основанных на ограниченных материалах, тем или иным историческим фактам приписывается в качестве бесспорной далеко не полная география, откуда следуют ошибочные выводы об их генетической принадлежности либо северно-, либо южновеликорусскому наречию, между тем как более обстоятельное исследование памятников письменности делового содержания позволяет квалифицировать эти факты как факты большего территориального распространения или даже общерусские. Так, появление в XVII в. в деловой письменности глагола *бросать* со значением «кидать, метать» в генетическом плане были склонны связывать с Новгородско-Псковскою землею²³. По новым рукописным данным глагол *бросать* в то же самое время известен был и иным областям России — южным и центральным. В генетически северновеликорусские зачисляют, например, образования *выть* «доля, часть» и *клеть, кулига, пожня, лонской, лонись* и некоторые другие, хотя материалы XVII в. показывают их употребление и в более южных местах. Напротив, признаваемые специфически южновеликорусскими известные образования *корец* и *ночвы*, по свидетельствам старинных рукописей, оказываются свойственными и говорам средневеликорусской полосы²⁴.

Отдельные факты и явления, ныне диалектные, в прошлом могли функционировать как общерусские. Сравнение их былой географии с географией современной может дать наглядное представление об исторических изменениях в их судьбе. Этим и обуславливается целесообразность картографирования подобных фактов и явлений в их общерусском распространении. Возможность указанного сравнения выводит показания со-

²¹ См.: С. И. Котков, Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве», ТОДРЛ, XVII, 1961, стр. 65—67.

²² См.: С. И. Котков, Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников, «Вопросы образования восточнославянских национальных языков», стр. 42—43.

²³ См.: П. Я. Черных, Очерк русской исторической лексикологии, М., 1956, стр. 186—188.

²⁴ См.: С. И. Котков, Н. Ф. Савченко, Монастырские фонды рукописей во Владимирском областном архиве (XVII — нач. XVIII в.), «Изучение русского языка и источниковедение», М., 1969, стр. 216.

временных карт за рамки синхронных противопоставлений и включает их в сферу диахронных.

Историческая диалектография, в отличие от современной, допускает более широкую в хронологическом отношении сопоставимость лингвистических фактов и явлений, позволяя, к примеру, картографировать как свойственные одному временному срезу отражения в деловой письменности лингвистических фактов и явлений, принадлежащие к разным десятилетиям XVII в. Обусловливается это определенными причинами. Основная из них — меньшая интенсивность исторической эволюции диалектов в сравнении с современной. Другая причина — количественная ограниченность разных фактов, которые могут быть сопоставлены в пределах узкого временного среза, что объясняется и количественной недостаточностью источников, и далеко не полным отражением в них, в силу различных обстоятельств, этих фактов.

Материалы, которые могут служить основанием для составления карт, рисующих бывшее состояние говоров, гораздо более разнородны, нежели те, на основе которых создаются современные диалектологические карты. Вопросы их систематизации в более или менее унифицированном виде, с точной и краткой регистрацией источников, требуют специальной разработки. Полагаем, что развитие исследований в области русской исторической диалектографии не останется узкодиалектологическим, а существенным образом повлияет на изучение истории языка в целом, в том числе и литературного.